

УДК 343.221:343.982

© **Юрий Булай**

доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и информационной безопасности Академии «Штефан чел Маре» МВД Республики Молдова, доктор права

© **Yuri Bulai**

Associate Professor Department of Criminal Procedure, Criminalistics and information security Stefan cel Mare Academy Ministry of Internal Affairs of the Republic of Moldova, Doctor of Law

© **Родика Булай**

преподаватель кафедры уголовного процесса, криминалистики и информационной безопасности Академии «Штефан чел Маре» МВД Республики Молдова, магистр информационных технологий

© **Rodica Bulai**

Lecturer Department of Criminal Procedure, Criminalistics and information security Stefan cel Mare Academy Ministry of Internal Affairs of the Republic of Moldova, Master of Information Technology

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ЭВОЛЮЦИИ МЕТОДОВ/ПРИЕМОВ ИДЕНТИФИКАЦИИ/ОПОЗНАНИЯ И УЧЕТА ПРЕСТУПНИКОВ

Для успешного противоборства преступному феномену должен существовать эффективный юридический механизм. Одни из составляющих этого механизма — качественные тактические и методологические приемы и принципы работы. Для совершенствования актуальных тактических и методологических приемов и принципов юридического механизма расследования преступлений немаловажным является, по нашему мнению, исторический экскурс/анализ появления и развития актуальных средств доказывания.

В настоящей статье мы анализировали некоторые исторические аспекты развития методов идентификации/опознания, учета преступников.

Совершение преступлений характерно для всего хода развития общества, многообразие форм и методов профилактики и расследования преступлений неразрывно связано с уровнем социального, культурного и экономического развития государственных образований.

В настоящее время в уголовно-процессуальной, криминалистической доктрине Республики Молдова недостаточно освещен институт предъявления для опознания. Ситуация в этом отношении в странах СНГ (Российская Федерация, Республика Беларусь и др.) гораздо более благоприятная, о чем свидетельствуют многочисленные статьи, тезисы, монографии.

Детального анализа предъявления для опознания, а также актуализации отечественной доктрины о его разновидностях невозможно добиться без выяснения его генезиса. Исторические методы идентификации (опознания), учета преступников реализовались по-разному, но суть в том, что они не всегда были гуманны. Идентификация (опознание) в качестве института доказательств сложилась в ряде стран с древних времен как насущная надобность.

В средневековье, чтобы облегчить процедуру опознания, преступников метили разными методами: насильственное отсечение конечностей (увечье) или наложение таро (маркировка красным железом / клеймение).

По этому поводу профессор Рафаил Белкин отмечал, что «уже в священных книгах иудеев, христиан, мусульман — Торе (Пятикнижие), Библии, Коране — имелись “описания процедур установления истины” в различных случаях терминами, известными ныне как допросы, обыски, предъявление для опознания» [1, с. 11].

В древние времена нанесение увечий было как наказание, при этом создавались физические черты / приметы, репрезентативные для характера совершенного преступления, в том числе при рецидиве.

Так, согласно законам Ману (Древнеиндийский кодекс), за удар, наносимый низшим по социальной касте высшему, предусматривалось такое наказание, как отсечение конечности — той. Которой был нанесен удар [2, с. 14]. В древнем Вавилоне, по законам Хаммурапи, сыну, ударившему отца, отрезали язык, а кормящей матери, в случае смерти младенца, отрезали грудь. В Древнем Египте за кражу отрезали руку.

Применение клеймения как метода учета преступников также использовалось с древних времен. По тем же законам Кодекса Ману человека с более низким социальным статусом, если он присел рядом с человеком с более высоким социальным статусом, нужно было выгнать, применив к нему клеймение. В XIV и XVIII вв. во Франции тела лиц покрывали таро/клеймом в виде букв, которые указывали на характер

преступления. Таким образом, буква V означала вора, двойная W означала вора-рецидивиста.

В России тоже применяли правило метки железом как способ клеймения, как метод идентификации/опознавания, о чем упоминается в грамоте великого князя Василия Дмитриевича (1397–1398), предложившего применение клеймения к каждому вору [3, с. 384–385].

В княжестве Молдовы также применялись различные санкции как для наказания, так и для учета преступников. Так, за воровство крестьян наказывали телесными наказаниями; за третью кражу также предусматривалось отсечение рук. Воров-рецидивистов клеймили по лбу для облегчения идентификации рецидива [4, с. 90].

В княжествах Молдавии, Валахии, Трансильвании также применялась практика клеймения или обезображивания. Одним из самых мягких способов лишения претендента на престол или наказания его за оскорбление чести правителя было отрезание кончика носа, прекрасно осознавая, что лица с физическими недостатками к власти не допускаются [4, с. 47].

Так, интересен сам процесс уголовного преследования, в княжествах Молдавии, Мунтении, Трансильвании предусматривалось «оповещение по селу» сведений об участниках, преступниках [5, с. 21], этот факт встречается и в Русской Правде [6, с. 40–41].

«Закон страны» первоначально в XI в. предусматривал процедуру поиска только в сообществе, последующую разработку, поиск как в районе сообщества, так и в прилегающих районах.

На Руси процедура опознания использовалась как способ установления личности. Относительно опознания раба указано следующее: «Если у кого-то исчез раб, об его исчезновении сообщат на ярмарке, если раб не будет возвращен в течение 3-х дней, в случае если его найдет и опознает хозяин, может его забрать, а спрятавший платить штраф в три гривны» [7, с. 17–18].

Похожие элементы засвидетельствованы и в княжествах Молдавии, Мунтении, Трансильвании, упоминая бегство с земель бояр, имевшее целью потерю статуса порабощенного крестьянина (правового и истинного статуса) и обретение статуса свободного крестьянина. Если эти лица опознавались, то их насильно возвращали в земли феодала, теряя кажущуюся свободу, задним числом [8, с. 84].

Распространение процессов идентификации (предъявления к опознанию) подтверждается упоминанием о нем в четырех статьях из общего числа — 43 «Закона Российского» [6, с. 65].

Аналогичные нормы присутствуют и в правовых источниках Западной Европы V–VI вв. Так, в «Салическом законе» — правовом акте франков присутствуют статьи о поиске следов, о розыске, аналогичные статьям в Русской Правде. По этому правовому акту к опознанию могут быть предъявлены раб, лошадь, вол, любой предмет или животное [3, с. 16, 20].

Похожие элементы также присутствовали в Молдавии, Мунтении, Трансильвании, в «праве страны», где существовали две специфические формы судебного разбирательства: на большой дороге или в пустынном месте выявление следа приостанавливался; «поиск потерянной вещи», если потерянная вещь была найдена, поиск нарушителя прерывался. Нормы права, содержащиеся в «Законе страны», сохранялись в условиях феодального строя [5, с. 21–22]. Период XIV–XV вв. подтверждается наличием документов, свидетельствующих о существовании предъявления к опознанию, — в княжестве Трансильвания на основании решений сеймов, в княжествах Мунтения, Молдовы в «Законе страны».

Некоторые из упомянутых правил можно найти в другом российском документе «Псковская Грамота», в котором используется термин «знание», а не «опознание», что свидетельствует об особом внимании к письму и важном юридическо-аналитическом характере авторов [9, с. 331]. Правовые аспекты закреплены в княжестве Молдавии в «Синтагме Матея Властареса», составленной в 1335 г. и полностью переведенной из указа Стефана Великого, состоящего из 24 титулов, разделенных на главы, предусматривающие различные отрасли права. Большая часть фразы содержится в номоканоне Мануила Малаксокса, составленном в 1566–1562 гг., уже строго систематизированном по разделам [5, с. 30].

Позже вышеперечисленные институты развиваются. Таким образом, в Трансильвании для этого было создано полицейское подразделение *inquisitio genis*. Для преследования правонарушителей составлялись специальные записи, как и дело «Реестр доказательств о благах и беззакониях в селах из верхней сети дворянского уезда Арджеш» [10, с. 11–12].

В документах указывается, что уголовному преследованию могут быть подвергнуты признанные преступники, скрывшиеся от следствия и не явившиеся на суд, крепостные, покинувшие имение, лица, пропавшие при подозрительных обстоятельствах, женщины и дети, бежавшие из дома. Что же касается преследуемых товаров, то это в основном предметы, украденные из домов или награбленные на дороге, являющиеся верховыми или вьючными животными, впоследствии предложенными к опознанию [10, с. 16].

В 1632 г. логофет Евстрахия составил «Избранное/Особенное правило» — перевод с греческого на румынский номоканона Мануила Малаксоса (1561–1562). «Избранное правило» включает в себя в основном правила религиозной жизни, а также некоторые уголовные и гражданские нормы. В этот период происходят изменения в процессуальном законодательстве «40 лет судебной реформы». Судебная процедура является публичной. В номинированных правовых актах того времени представление об опознании получило широкое распространение в связи с тем, что задержанные преступники подвергались публичным санкциям, о чем сообщали публично, о совершенных преступлениях и приметах правонарушителей, что способствовало их будущему опознанию [5, с. 37].

Опознавание/идентификация преступников посредством клейма существовало и в период греко-фанариотского режима в 1711–1821 гг.

На территории Бессарабии начиная с 1812 г. с входом ее в состав Российской империи применялись русские законы, регламент организации судебной власти, уголовно-процессуальный устав и т. д. [11, с. 135].

В сборнике нормативных актов Российской империи от 1832 г. отсутствовали нормы, регламентирующие порядок проведения представления об опознании, хотя, по сути, оно применялось, но в рамках другого действия уголовного преследования — очной ставки. В его регламенте указано: на очной ставке спрашивать свидетеля, является ли обвиняемый тем лицом, о котором он будет докладывать? Очные ставки даются для объяснения разногласий, а также для того, чтобы убедиться, что люди знают тех, кого обвиняют [12, с. 321].

В период с 1918 по 1940 г. на территории Бессарабии применялся Уголовно-процессуальный кодекс Королевства Румынии, основанный на румынских законодательных традициях и на Уголовно-процессуальном кодексе Франции (1808).

В России в числе первых ученых, изучавших предъявление для опознания, были В. И. Громов (1913), И. Н. Якимов, М. С. Строгович, Г. И. Кочаров, П. П. Цветков и др. Так, В. И. Громов, ссылаясь на итальянское законодательство, аргументировал необходимость выделения предъявления для опознания в качестве деэскалации уголовного преследования.

Научные методы и более гуманные методы идентификации/опознания людей стали использоваться только во второй половине XIX в. при разработке так называемого словестного портрета. Создателем словестного портрета является французский криминалист Альфонс Бертillon, который в 1895 г. предложил описание сигналов не в произвольной

форме, как это делалось ранее, а на основе определенной системы, в которой каждая видимая часть головы и лица была строго определена и отмечена буквами, составляющими внешнюю формулу.

Метод устного портрета получил признание и в других странах. Итальянский профессор Оттоленги предложил дополнить элементы словесного портрета, в том числе психическими особенностями, теми, которые обозначают формы движения и т. д. В других странах, например, в Соединенном Королевстве, к словесному портрету относились с осторожностью. На практике он изначально не вводился, считаясь сложным, недоступным для сотрудника полиции со средними способностями.

После официальной регистрации этого метода Франции в 1888 г. и в 1892 г. профессор Мина Миновичи также представила антропометрический метод в Румынии, одной из первых стран, применивших этот метод на практике. Однако словесный портрет имел больше достоинств, чем недостатков, что способствовало его распространению по всему миру.

Словесный портрет имеет долгую историю. В древности сигналы человека использовались для поиска и распознавания. В XIV в. до н. э. зафиксировано такое описание признаков, случай широкоизвестный в криминалистике: «по прозвищу Нейлос, родом из Сирии, лет около 18, среднего роста, без бороды, прямые ноги, с ямкой в его бороде, с бородавкой на левой стороне носа, в левой области рта имеет шрам, вытатуирован варварскими буквами на правой руке» [13, с. 233].

В 1861 г. Бессарабия находилась под правовым и политическим влиянием Российской империи, на территории которой проводились различные реформы. Российское право работало параллельно с отечественным правом. Жандармы царской России широко использовали словесный портрет [14, с. 105].

В практике советского судопроизводства словесный портрет играл важную роль. В первые годы советской власти была создана особая функция опознавателя, должность, требующая феноменальной памяти, способности запоминать лица преступников и идентифицировать их (при необходимости).

В 1956 г. в международной ретроспективе, посвященной криминальной полиции, появилась статья «Фоторобот» за подписью комиссара города Лиль (Франция) — П. Шабо — дополнение к устному портрету, предполагающее, что, по данным очевидцев, из кусочков фотографий разных людей собирали изображение лица, которое позже фотографировали и размножали для использования в поисках подозреваемого [14, с. 109].

С помощью этого фоторобота было раскрыто множество преступлений, в том числе и в СССР. Фоторобот оказался первой попыткой усовершенствовать и повысить эффективность процесса уголовного розыска.

Еще одним методом, используемым для улучшения процесса, является «Иденти-кит», разработанный в США известным шерифом Макдональдом. Как и фоторобот, «Идентификационный комплект» основан на описании человека свидетелем или потерпевшим. «Иденти-кит» состоит из набора около 500 прозрачных пленок или пластин, на каждой из которых изображена деталь или отдельный элемент лица, и каждая помечена цифрой или буквой.

В бывшем СССР параллельно с фотороботом и другими методами использовались наборы для опознания — ИКР и ИКР-2, состоящие из прозрачных пленок, включающих в себя отдельные лицевые элементы.

В период с 1966 по 1967 г. американская фирма «Сетлинг» выпускала прибор «Мимик» (множественный производитель изображений для опознания), используемый для составления портретов — рисунков элементов фигуры человека, перенесенных на шесть полосок, каждая длиной в 25,4 м, по 300 лицевых элементов. Смена изображений элементов лица, наложенных и проецируемых на экран, осуществляется с помощью электромеханических регулировок [15, с. 47].

При опознании лица по внешним приметам, когда опознанное лицо категорически отрицает правильность/объективность опознания, органы уголовного преследования прибегают к помощи экспертизы.

Для опознания человека по фотографии (в рамках фотопортретной экспертизы) давно применяется метод биологической симметрии, суть которого заключается в сопоставлении двух половин двух разных фотографий, полученных разрезанием фото вертикально. Полученные части соединяют таким образом, чтобы горизонтальная линия, соединяющая сетчатку глаз, создавала непрерывную линию. При этом практиковался метод деления фотографий (уменьшенных или увеличенных до одного масштаба) на квадраты. Черты лица, включенные в квадраты на той или иной фотографии, сравниваются между собой [15, с. 43–44].

В настоящей статье мы анализировали некоторые исторические аспекты развития методов идентификации/опознания, учета преступников, что является, по нашему мнению, немаловажным звеном для последующего научного анализа современных методов.

На данном этапе опознание, согласно законодательству Республики Молдова, реализуется, основываясь на обеспечении безопасности

опознающего. Тактические и юридические аспекты идентификации/опознания преступников как в Республике Молдова, так и в других странах составят сущность другой научной статьи.

Список основных источников

1. Golubenco, Gh. Criminalistică: obiect, sistem, istorie / Gh. Golubenco. Chișinău : Tipografia Centrală, 2008. — 215 p.
2. Эльманович, С. Д. Законы Ману / С. Д. Эльманович, Г. Ф. Ильин. — М. : Изд-во вост. лит., 1960. — 354 с.
3. Корецкий, В. М. Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. Государство древних франков, Англо-Саксонское государство, Англия, Германия, Испания, Италия, Франция, Албания, Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, Чехия, Югославия / В. М. Корецкий. — М. : Госюриздат, 1961. — 960 с.
4. Aramă, E. Istoria dreptului românesc / E. Aramă. — Chișinău : Tipografia Centrală, 1995. — 236 p.
5. Pîrțac, G. Istoria dreptului românesc. Ciclul I, Note de curs / Pîrțac G., Pascalu I., Vujor V. — Chișinău, 2013. — 89 p.
6. Крылов, В. В. История развития приемов предъявления личности для опознания / В. В. Крылов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11, Право. — 2000. — № 4. — 65 с.
7. Моисеев, Н. А. Криминалистическое обеспечение предъявления для опознания при расследовании преступления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. А. Моисеев. — М., 2006. — 30 с.
8. Curpăn, S. O. Istoria dreptului românesc / S. O. Curpăn, E. Mitrofan, A. Leghede. — Iași : Studis, 2014. — 263 p.
9. Юшков, С. В. Памятники русского права. Вып. I: Памятники права Киевского государства X–XII вв. / С. В. Юшков, А. А. Зимин, В. Ю. Софронов. — М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1952.
10. Rusu, G. B. Urmărirea infractorilor în comitatele ardelene-sec XVII. Sinteza lucrării Teză de doctor / G. B. Rusu. — Cluj-Napoca, 2011. — 27 p.
11. Tașcă, M. Introducerea dreptului penal românesc în Basarabia după marea unire din 1918 și unificarea legislativă penală a Basarabiei cu cea din vechiul regat. În: Revista de științe penale / M. Tașcă. — Anuar : Anul III, 2007. — 135 p.
12. Самко, А. В. К вопросу о становлении предъявления для опознания как самостоятельного следственного действия / А. В. Самко // Ученые записки Таурического нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер. юрид. науки. — Т. 25 (64). — 2012. — № 1.
13. Гейндель, Р. Дактилоскопия и другие методы уголовной техники / Р. Гейндель. — М. : Гостехиздат, 1927. — 332 с.
14. Крылов, И. Ф. В мире криминалистики / И. Ф. Крылов. — Л. : ЛГУ, 1989. — 328 с.
15. Dumitrescu, C. Elemente de antropologie / C. Dumitrescu, E. Gacea. — București : Ministerul de Interne, 1993. — 200 p.

BRIEF HISTORY OF EVOLUTION METHODS/TECHNIQUES IDENTIFICATION/RECOGNITION AND RECORDING OF CRIMINALS

In order to successfully confront the criminal phenomenon, there must be an effective legal mechanism. One of the components of this mechanism is qualitative tactical and methodological techniques and principles of work. For improvement of actual tactical and methodological techniques and principles of legal mechanism of crime investigation, in our opinion, historical excursus/analysis of appearance and development of actual means of evidence is a very significant aspect.

In this article, we analyzed some historical aspects of the development of methods of identification/recognition, recording of criminals.